

Горгона Медуза.

(осколки)

между губами поцелуя

стекло одиночества

Роже Жильбер-Леконт

любовь моя, это (о) тебе.

о неизбежности нашей встречи.

До наших дней. Медуза.

строфа

дрожью покрытая не тронута нежная грудь ни руками влюбленного, ни младенца губами часто дышит, напрасно пытаюсь избегнуть любовного жребия девам дарованного богиней Тюхе смеющейся, босыми ногами по дороге судьбы она, мальчишке подобно, колесо подгоняет, нет ни верха, ни низа у колеса, но решает, схвативши рукою его в игре мальчугана, богиня, будет ли сверху то, что было прежде внизу, и повержен ли будет тот, что был одарен изобилием; игрою простою младшей дочери Горгона решится судьба: на одной стороне загорится семьи очаг и возьмет ее добрый муж в объятия свои, на другой: путь из дома в проклятый край, где ее сердце и статуи глазницы наполнены вечной о смерти мольбой

антистрофа

в туманом укрытых волнах на рассвете рукою ласковой проводит дева по мягкому телу - красота ему щедро природой дана, налиты чресла, полон живот, ноги помнят еще о танцах вчерашнего дня, в окружении нимф, любимых сестер, безмятежна душа и свободною дышит широкая грудь, предплечья укутаны волнами волос и морскими волнами.

«пусть вода мое унесет утомление, пусть твердые камни трезвость ногам вернут, пусть усну на берегу, никем не замечена, и домой возвращусь до отца пробуждения»

уж целует Морфей ее веки, сам не веря удаче своей.

но недолго длится сей сон – на рассвете, как водится, просторы свои озирает царь морей, Посейдон, обращен в альбатроса, мягко по небу летит.

и, увидев красавицу, мыслит: «я ласкал ее тело волнами, целовал ее стопы камнями, я водой проникал в глубины ее, солью щипал за сосцы. ей любви моей не хватило, ненасытна она, легла, просит взять ее, влажная, в ложном сне, обнажившись, дразнит меня: «хватит сил тебе, старый дурень, такую как я одолеть?», помыслы эти для меня не новы – не я ль вскипятит воды пенистые, из которых рождалась Киприда».

девы жребий решен – птицей разбился о волны, спрута облик приняв, приближается к ней Посейдон.

эпод

противоестественно широко раскрываются мои лёгкие, они втискиваются в расщелины рёбер, и, застряв, не могут восстановить прежнюю форму. спрут тянет меня в воду, охватил руки и ноги, щупальцами, липкими как слюна бешеного пса. он волочит меня по земле, лицом и грудью вниз. мои зубы щёлкают песком, я: дышу песком, вижу песок, слышу песок, ем песок, впитываю его кровью сквозь царапины. нет ничего, кроме соленого песка, спрута и меня. мы остаёмся вдвоём: я и вода, ни песка, ни спрута. вода. резкая, острая, как мой крик, рвущийся к свету, уносит меня глубже в вихре пучины.

чьи-то руки крепко хватают за волосы и тянут, я поднимаю голову, глаза-расщелины видят только тень солнца и чей-то силуэт.

спасатель. в рассветной суеде света вижу мужское лицо. отец? должно быть, искал меня и подоспел вовремя. слава богам. мы плывём вверх, я как когда-то в детстве, прижимаюсь головой к его груди, закрываю глаза и вспоминаю мои пятилетние именины, папа стучится в детскую, а я ещё не готова, сестры с утра вплетают в мои волосы цветы, им разрешили нарвать их сколько потребуется в честь моего дня. они велют мне сидеть тихо и подождать ещё. а я не могу усидеть, услышав голос отца, я вырываюсь и, оставляя позади вихры листьев и лепестков, спешу открыть ему дверь. скоро и не заметно я оказываюсь у него на руках, и он говорит, что не сумел в своё время найти самую красивую жену, но вот уже пятый год - он отец самой красивой невесты. я обещаю, что когда он станет старым, немощным и никому не нужным, я стану его женой, потому что больше никто не захочет. он смеётся и говорит о том, что ему придётся уступить меня в жены сильному и богатому мужчине. плачу. мне не нужен сильный и богатый, мне нужен только папа. тогда он обещает, что будет рядом всегда, когда понадобится.

клятва отца правдивее пророчества оракулов.

в ушах становится шумно, как только он поднимает мое тело над морем, дышать больно, тошнит. вот мы уже на суше, он ставит меня на ноги и я тут же сворачиваюсь вдвое, морская вода льется из моего нутра вперемешку со вчерашним вином. папа держит мои волосы и гладит меня по спине. в глазах снова темнеет, меня тянет вперед на землю, папа хватается за плечи и удерживает от падения. прихожу в себя, боль дыхания, такого натурального обычно и такого ценного сейчас, проходит. я тянусь к плечу и целую ладонь отца. глядя на нее, понимаю бессознательно, издалека: на этой ладони нет пятен и морщин, она белая, молодая, не дрожит. вторую он опускает мне на грудь, а твердый орган прижимается к ягодицам.

рывок! я бегу, не оглядываясь. он бежит за мной.

сейчас я двучастная: одна часть кричит "беги", вторая - напоминает о приличии, стыде, и необходимости благодарить спасателя. эта вторая уже выдумала, что это рыбак, пришедший раньше остальных, раздевшийся до гола, чтобы спасти меня и восставший от моего поцелуя. первая ничего не выдумывает: трепыхается и пульсирует в голове словами "беги", "в", "храм", "Афины".

я слышу его хохот, он близко - где-то с десятков ступеней.

я врываюсь внутрь, обессиленная и счастливая, падаю на колени перед алтарем. громко, чтобы он услышал, читаю молитву и клянусь ее именем, что предпочту смерть бесчестию. так вернее и спокойнее, я здесь состарюсь, если это потребуется.

он входит, я слышу, его влажные ступни на сухом полу. молюсь и клянусь громче.

больше не волнуюсь - ни один смертный не посмеет навредить девственнице в храме Афины.

он давит ладонью на мою шею, вынуждая руками упереться в пол.

ни один смертный...

Наши дни. Даная

Даная: Мамочка я...

Мама Данаи: Ты красивая девочка

Даная: Мамочка, я не могу стоять, уложи меня, пожалуйста, и закутай, как раньше

Мама Данаи: Ты красивая девочка, тебя будут часто так трогать

Даная: Мамочка, уложи

Мама Данаи медленно снимает с Данаи платье, платье падает к ее ногам, трусиков на ней нет, Мама Данаи проводит руками по икре - на ней кровь засохшая с разводами

Мама Данаи: от тебя плохо пахнет, что такое?

Даная начинает плакать

Мама Данаи: Я чувствую аммиачный запах мочи, на тебя мочились

Даная: Это золотой дождь, мамочка, оботри меня, прежде чем закутать и уложить, мамочка, я не хочу брать такое тело с собой в постель

Мамочка несет Данаю в ванную и моет ее душем. Даная плачет, всхлипывая, мать нежно массируя моет ей голову ароматным шампунем

Мамочка моет тело Данаи дорогим гелем для душа, который отложила на подарок подруге

Мамочка протирает тщательно полотенцем тело Данаи и особенно нежно ее бедра и лобок

Мамочка относит Данаю в постель и укутывает ее в мягкое одеяло

Мамочка целует Данаю в лобик

Мамочка: Почитать тебе перед сном?

Даная: Может, ты прежде вызовешь полицию, мамочка? Мамочка, я сейчас думаю, что зря мы помылись, я читала, что не надо до судмедэкспертизы мыться

Мама Данаи: Я не буду звонить в полицию, они скажут: ну, что опять? Я скажу: мужчина какой-то из нашей деревни надругался над моей дочерью, моя дочь не в силах говорить и дышать, у нее разрывы, на нее мочились, золотой дождь, полицейский скажет: это был мужчина такой-то, или парень такой-то из семьи таких-то, мы видели все, когда проезжали, их было несколько, или он скажет “это был я, и коллеги мои, мы проезжали, когда ваша дочь играла на пустыре с собаками, а день был трудный, а ваша дочь обречена на насилие, вы же знаете, фатум, детерминированность”. Он скажет: вы можете прийти написать заявление, а я в следующий раз им заткну рот вашей дочери, чтобы она не отвлекала меня своими криками.

Даная: Мамочка, что делать?

Мать Данаи: Послушай сказку, дорогая

Даная: Хорошо

Мама Данаи: Жила была принцесса, ее звали... каааак?

Даная: Даная!

Мама Данаи: Верно. Даная была очень красивая и на нее даже сам

Даная: Зевс!

Мама Данаи: Да, даже сам Зевс обратил внимание. Дельфийский оракул сказал папе Данаи, что ее дите - полубог убьет папу Данаи, и Даная спрятала в темницу, она там жила спокойно, и родители ее часто навещали

Даная: А что потом?

Мать Данаи: Потом Зевс проник в Даная золотым дождем, Зевс оплодотворил ее своей золотой божественной мочой, он мочился золотом, ты знаешь? И из этого родился блестящий как солнце малыш - полубог, он был золотыми кудрями похож на Амура, а ножки какие у него были сладенькие и румянькие, бабушка очень любила малыша. Бабушка играла с малышом втайне от дедушки.

Даная: А что делал дедушка?

Мамочка: Дедушка выдумывал план, как от малыша избавиться, каким крокодилам его скормить

Даная: Схватилась за горло и часто хватает ртом воздух

Мамочка: Бабушка выслушивала дедушку внимательно, она говорила, крокодилы лучше всего и крупнее и зубастее в русле реки

Даная: Зачем бабушка так...

Бабушка: Я знала, что в нашем замке даже у стен есть уши, и, если я даже оброню слово супротив моего мужа, он перестанет мне доверять и делиться планами

Даная: То есть ты хотела спасти моего сына?

Бабушка: Да. Я сказала мужу: убийство ребенка - дело женщины, прояви уважение и не лезь в божественный промысел. Боги дали нам чрево для возвращения плода, как земля сама пожирает своих детей, так и женщина. Успокойся и забудь об этом. Я все организую.

Даная: Он поверил тебе?

Бабушка: Конечно, я всегда держала свои мысли в своей голове.

Даная: А я... мне тоже ты не сказала? Я ведь ничего не знала, да?

Бабушка: Никто, кроме меня не знал, о моих намерениях относительно дитя. Во-первых, я любила его как тебя, и не позволила бы его смерти, лучше бы я умерла сама, чем он. Во-вторых, я знала, что убивать сына Зевса в разы опаснее, чем потерять мужа лет через двадцать. Я знала, что Зевс наградит нас за преданность и сохранение семени его.

Но говорить это вслух, даже тебе, означало погубить все мои планы.

Даная: Той ночью, ты вошла в мою комнату, мы с Персеем спали, он спал на груди моей голой, волосами моими укрывшийся, младенец мой нежный, первенец мой божественный, ты сняла его с тела моего, изо рта его вынула сосок мой, закутала в саваны.

Бабушка: Ты проснулась и спросила, что ты делаешь, мама

Даная: Ты ответила, что возьмешь его в свои покои, чтобы провести с ним время.

Бабушка: Ты не поверила, тебе все уже донесли твои служанки

Даная: Ты рассмеялась и сказала, разве я убью своего единственного внука, дорогая?

Бабушка: Ты вцепилась в него руками

Даная: Ты вызвала стражей, меня держали, нагую, рвущуюся, кричащую, пока ты продолжала закутывать моего малыша в саван

Бабушка: Да, мне было больно слышать твой голос.

Даная: На крик пришел отец

Бабушка: Он хотел наблюдать, он смотрел, как ты плачешь

Даная: Он сказал, твоему выродку не место в нашей семье, я найду тебе мужа и ты расплодишься хоть десятью крольчатами, а этому здесь места нет.

Бабушка: Я сказала мужу, что на дело, и мужчинам места в этом нет, была ночь Гекаты, по городу ходили разъяренные жрицы, они секли каждого мужчину от млада до велика. Я спрятала Персея в корзину, и одевшись прачкой пошла к реке.

Даная: Отец на прощание тебя поцеловал, он сделал это так пошло и мокро, я помню этот поцелуй. Он трогал твои груди, твои бедра и даже...

Бабушка: Да

Даная: Это было противно, а еще противнее, что ты смеялась и стонала ему в рот, с моим ребенком на руках

Бабушка: Да

Даная: Расскажи, что ты обнаружила, вернувшись

Бабушка: Твой отец сразу поволок меня в спальню, он просил рассказать подробности и брал меня как мужчину, сзади. Я стояла на четвереньках, я подыгрывала ему, изображала блаженство и выдумывала, как алигаторы грызли ручки малыша, как я отрывала от него по кусочку, как держала его за головку, пока звери прыгали и откусывали от него плоть, пока в руках моих не осталась только плачущая головка. Он брал меня интенсивнее и требовал говорить подробнее и громче.

Даная: А я, знаешь, что делала... Я проникла в покои отца в надежде хоть что-то узнать о моем дите. Я все слышала, лежа под кроватью, я рыдала и грызла свой кулак, чтобы себя не выдать, а потом... потом я ничего не помню

Мать Данаи: Мы нашли тебя утром, ты была как ребенок, ты агукала и ползала вокруг кровати, не знала слов и тянулась к моей груди. Взрослая женщина с умом ребенка. Мы позвали врачей и спросили, что делать. Они развели руками, один только, перс, предложил тебя воспитывать снова, мы стали пробовать, снова нашли кормилицу, нянечек, учили тебя словам, ты училась ходить. Заботы о тебе заняли все мое время и я с радостью погрузилась в материнство. Так было легче, чем если бы ты смотрела на меня с ненавистью за убийство ребенка

Даная: А что отец?

Мать: Он был рад, что избежал смерти, что не взял греха на душу, детоубийство это верный путь в пасть цербера, и я избрала этот путь за него, он стал много пировать, дарил мне все, что пожелаю, мою семью поместил в сенат, наш род стал править фактически, тайно от глаз общества, государство процветало, я решила политические вопросы и иногда мое слово было последним, а мои братья захватывали нам новые земли и всегда возвращались домой с щитом в руках и лавром на голове.

Даная: Мммммм.... идиллия, только умопомраченная дочь ее нарушала

Мать: Нет, ты ее множила, твоя душа была так чиста, мы сделали тебе сад с животными, ты заботилась о них со рвением ребенка, ты пела в нем и играла...

Даная: И не мешала никому заниматься политикой

Мать: Успешная политика - была даром Зевса за сохранение его семени, а дурман отца твоего от мака и вина - его наказанием.

Даная: А что Персей?

Мать: Жил в пастуховой семье, я заботилась о его пропитании, образовании, здоровье, он был под присмотром

Даная: Ты мне это как будто рассказывала....

Мать: Да! Я тебе вообще все рассказывала, ты все равно уже никому не могла передать.

Даная: А где мы сейчас?

Мать: На стыке двадцатого и двадцать первого века

Даная: А почему мы здесь...

Мать: Я не знаю. Раз в жизнь мы засыпаем и просыпаемся в другом мире и в другом времени,

Даная: И проживаем все раз за разом, но по-другому.

Мать: Ага, и покровительства Зевса в этих мирах у нас нет

Даная: В этой жизни я тоже повредила умом

Мать: И в прошлой тоже

Даная: В этой жизни мы были семьей, мой отец... он был как Зевс, почему он так...

Мать: Да, в перевоплощениях, где нет Зевса, его дело совершает отец, твой отец

Даная: А где малыш?

Мать: Обычно мы отдаем его в приют

Даная: Вы прячете от общества ваш грех

Мать: Да

Даная: А я становлюсь ребенком в теле женщины...

Мать: Наша семья беднеет, твой отец умирает от пьянства, и мы живем с тобой беззащитные и нищие

Даная: А мужчины, мальчики, старики, все, у кого есть fascinum, берут мое тело.

Мать: Да

Даная: И я возвращаюсь домой, лишенная гимена...

Мать: Ты давно его лишена, дорогая, это они жестоки к тебе

Даная: Да, и ты укутываешь меня в одеяло, умыв тело мое, и читаешь мне сказку

Мать: Да, и ты ненадолго перед сном все вспоминаешь, это мой грех, я его так проживаю, что не позаботилась о тебе, что дала распоряжаться твоей жизнью этому чудовищу, что решила будто мнение общества важнее, чем твоя безопасность. Что не задушила его во сне в самый первый раз, когда он посмотрел на тебя как на женщину, а не как на дочь.

Даная: Мы столько раз это проживали, почему ты до сих пор этого не сделала...

Мать: Я каждый раз надеюсь, что в этот раз все будет иначе.

Даная уснула крепко.

До наших дней. Медуза в заточении семьи своей.

Медуза входит в покои отца. Брадобрей причесывает его волосы. Отец сидит спиной к медузе

Медуза: Папочка

Брадобрей смотрит в зеркало и отражение Медузы делает его статуей с гребнем в руках.

Медуза: Папочка

Отец разбивает настольное зеркало

Медуза закрывает глаза

Отец разворачивается к ней

Отец: Пришла убить меня, недостаточно было опорочить?

Медуза: Папочка, я пряталась в пещере

Отец: Там тебе и место

Медуза: Папочка, я не хотела этого

Отец щиплет ее за складки на животе и чуть скручивает

Отец: Это есть у всех женщин, я знаю ваш род, вы всегда “не хотите”, а потом стонете как кошки. Твоя мать отворачивала от меня лицо и вырывалась. Боги создали вас строптивыми, чтобы мужчинам жилось не так скучно.

Медуза: Отец, я же говорю тебе, что я не хотела

Отец: Боги не посылают близость тем, кто ее не хочет. Ну это дело, конечно, молодое. Даже не думай, что я тебя осуждаю, ты дочь царя, тебя возьмут замуж и брюхатой, и с выводком, а связь с богом сделала бы тебя даже более интересной невестой, но как ты могла... в храме. Афины. Как ты могла настолько согрешить? Смотрю на тебя и думаю, как я мог воспитать такую грязную богохульную потаскуху?

Медуза: Отец. Я тебе повторяю. я не хотела близости. я пряталась в храме, я пыталась избежать насилия. Я просила покровительства у Афины. но он взял меня силой. Он принудил меня.

Отец: Ты виляла хвостом, как течная кошка, ты, вместо того чтобы раздвинуть ноги на пустынном пляже, побежала в святое место и опорочила его. Я тебя знать не желаю.

Медуза: Мне уйти?

Отец: Куда ты пойдешь такая?

Медуза: Стану добычей героев в пещерах, за мою голову боги станут платить любовью самых красивых женщин и царствованием на троне.

Отец: И все будут говорить о тебе как о дочери моей! Ну уж нет, такой славы мне не надо, твои сестры умрут старыми девами, а наше царство разорится.

Медуза: Я буду молчать

Отец: Сплетни разлетаются по Элладе быстрее, чем листья осенних деревьев под ударами ветра. Ты останешься здесь. Я распорядился о твоих покоях и стражах. Всем скажем, что ты больна.

Медуза: Спасибо

Отец смотрит на дочь с отвращением, но когда она поднимает глаза, быстро отводит свой взгляд в стену

Отец: И начни носить что-то на своих глазах что ли, раз не хватает смелости их выколоть.

До наших дней. Медуза с сестрой.

Медуза и Эвриала в полной темноте покоев, Медузы, говорят тихо, за дверью слышны шаги стражников, от скуки гуляющих туда-сюда по коридору. Веки стражников сшиты грубой черной ниткой, а шлемы и доспехи начищены до зеркального блеска.

Медуза: Серьезно?!

Эвриала: Ага, и он говорит: “Покажешь?”. Я развернулась к нему спиной, и подняла волосы, говорю “вот, у нас у всех такие”, а он взял и пальцами провел по моей шее, а потом поцеловал в позвонок.

Медуза: Чтооооооооо?

Эвриала: Прикинь. И так это было нежно, так аккуратно, легко - легко коснулся, губами, а потом выдохнул и я почувствовала, что его тело дрожит, и подалась бедрами к его бедрам и лобку

Медуза: (тяжело дышит, и держит себя одной рукой за другую) А потом что...?

Эвриала: Он провел пальцами по шее моей до ключицы

Эвриала: Потом повел пальцем к губам моим, и я его чуть прикусила, и стала по нему водить языком

Эвриала: мы развернулись друг к другу лицом, долго смотрели друг другу в глаза и гладили по волосам

Эвриала: а потом потянулись друг к другу губами, он чмокнул меня сначала в уголок губ,

Эвриала: а потом в нос, и заулыбался

Эвриала: а потом мы стали целоваться, сначала только губами, а потом и с языком, он по небу моему провел им и я прямо задрожала, представляешь

Эвриала: параллельно, о нежно, только кончиками пальцев провела по моей груди, и моя кожа покрылась мурашками там

Медуза проводит пальцами по шее своей до ключицы

Кожа Медузы сухая и растрескавшаяся под пальцами трескается сильнее капельки крови выступают на ключицах

Медуза ведет пальцем к губам своим и чуть прикусывает его, ноготь ее хрустит и осыпается к осенний лист, а острый язык захватывает ногтевую пыль, пробует ее на вкус, прижимает спрессованный слюной порошок к небу и сглатывает с шумом.

Медуза гладит себя по волосам, чувствует гладкую холодную змеиную кожу, местами змейки сплелись в колтуны и шипят от боли

Медуза нащупывает языком уголок своих губ и натывается на широкие клыки

Медуза дотягивается языком до рыла, из ноздри выбегает сколопендра и жвалами хватается за один из кончиков языка Медузы, язык слегка кровоточит, яд отравляет сколопендру и она, свернувшись в падении, с щелчком ударяется об каменный пол

Медуза проводит языком по небу, оно усыпано округлыми, словно маленькими жемчужинами, зубами

Медуза проводит подушками пальцев по своей груди, на ней много жетстких и коротких волос, среди которых бегают блохи

Эвриала: он сжал мой сосок, сначала смочив свои пальцы у меня во рту

Эвриала: Он коснулся меня там, и я поняла, каким стало влажным и горячим мое тело, как оно отзывается на его ласки все большим жаром, и как я хочу изведать и нащупать его жар тоже.

Эвриала: Его палец оказался во мне и она им стала двигать, ну вот так видишь? Видишь же?

Эвриала: Я просто в темноте не понимаю, где ты там.

Эвриала: Ну хорошо. Вот так вот он двигал, вот так вот. И я....

и вши, их небольшие колонии кишат и в нескольких слоях кожи, а их яйца греются под покрывалом мышц

Медуза смачивает пальцы в своей слюне, кожа на них начинает с дымом разъедаться

Медуза: сжимает свой сосок дымящимися пальцами, ничего не чувствует и пробует повторить это с остальными шестью парами - из одного из них вылетают пчелы и начинают кружить у медузиной головы, жужжать и отвлекать ее от голоса сестры. Медуза хватается их языком по очереди и медленно жуёт

Медуза: тянет вверх подол платья, прикасается к своему клитору, наощупь он напоминает кусочек щебня, он острый, Медуза пробует надавить на него, по телу проносится боль. Медуза прикусывает губу.

Медуза и дальше исследует свое тело, она проводит по половым губам, на ощупь они как рыба чешуя, холодные, тонкие, быстро вонзаются в кожу. В детстве они с сестрами использовали круглые чешуйки во время игр, называли их монетками, и покупали за них на кухне сладости. Лет до восьми девочки всерьез думали, что такая валюта в стране и в ходу. Золотые же монетки они считали нужными, чтобы ими расшивали мамины платья, да папины плащи.

Медуза: Вижу.

Медуза: Я все вижу, и без света.

Медуза: проникает пальцами в себя, внутри нее комки паутины, в которых отложены яйца с паучатами. Она ворошит их ненароком, это движение тревожит паучиху, и она начинает суетливо бегать по внутренним стенкам влагалища Медузы.

Медуза сначала напрягается от страха,

Эвриала: Я как будто впервые испытала удовольствие, экстаз, восторг, сначала вся сжалась, а потом я вскрикнула даже и стала свободной.

испытывая в своем нутре суетливо движение восьми крупных волосатых лапок. А затем, прислушивавшись к этому танцу испуганного насекомого внутри себя, как будто впервые испытывает удовольствие, экстаз, восторг, сжимается вся, а потом вскрикивает и становится свободной.

До наших дней. Медуза с мамой и сестрами в темном саду.

Ночь. Медуза сидит в своей комнате на полу, она читает книгу и жует инжир, подбирая упавшие плоды с зеленой пышной травы.

В сад входит Незрячая старуха.

Незрячая старуха: Ваша мать просит вас подготовиться, она будет здесь с минуты на минуты.

Медуза утомленно выдыхает и садится спиной к Незрячей. Она плотно перевязывает ее глаза тканью.

Мать Медузы: Тут дурно пахнет.

Медуза: Старуха не видит, куда метет

Мать: Ты должна сама следить за чистотой своего жилища. Сама! Ты у нас скоро на выданье, а полов мести не умеешь.

Сестры напрягаются

Медуза: Мам, меня и так никто не возьмет в жены.

Мама: Дорогая моя, да будь ты хоть в сто раз уродливее, чем сейчас, без мужа ты уж точно не останешься. Гарантией твоего брака всегда служила не красота, а происхождение.

Медуза: Ах, вот оно как...

Мать: Ну, конечно, ты будешь в браке как и сестры твои. Но сначала все-таки сестры. Эвриала, сядь рядом, я поглажу твои волосы.

Эвриала: Ма, я не вижу тебя. Давай потом.

Мать: Ладно, расплету тогда твои колтуны, медуза, садись у моих ног.

Медуза: Мам, они жалят, не надо.

Мать: На мать ты руки не поднимешь, и не спорь.

Медуза садится между колен матери, та медленно распутывает тела змей-волос. И те действительно не сопротивляются ее воле, а расслабленно повисают на

голове медузы. Медуза чувствует боль и иногда непроизвольно шипит, в ответ мать сжимает ее плечи крепкими бедрами, чтобы та замолчала.

Мать: Тебе, моя малышка, переживать абсолютно точно не о чем. Да, в статусе больной, ты пробудешь до свадеб сестер. Но и это мы почти решили. За тем и пришли к тебе, чтобы все рассказать. Через месяц будет пир и соревнования, съедутся все женихи Эллады, чтобы сразиться в пяти искусствах за руки твоих сестер. Завтра начнется подготовка дворца. А свадьбу обеих сыграем в один день, так намного быстрее, да и дешевле.

Медуза: Через месяц уже свадьбы????

Мать: Да, дел невпроворот. И все на мне одной, надо грузить корабли приданным, составлять меню и селить гостей.

Медуза: Если пир так скоро, то и вы уплывете скоро?

Сестры кивают, а потом, опомнившись в темноте, говорят: Да

Мать: Уплывут на следующий же день, как миленькие. Нечего дома засиживаться, плывите сразу домой к мужьям и своим новым семьям.

Медуза: А я как же?

Мать: Тобой мы займемся потом, когда решим судьбу твоих сестер.

Медуза: Тоже турнир?

Мать: Прости, малютка, но за тебя никто сражаться не будет.

До наших дней. Медуза во время пира.

Во дворце идет пир, Медуза в темноте своих покоев медленно подтанцовывает музыке.

Незрячая: стучит в дверь

Медуза: Открыто

Незрячая: стучит в дверь

Медуза: открывает дверь

Незрячая: Отец твой велел принести тебе еды Медуза с жадностью забирает тарелку и руками начинает перебирать ее содержимое, в темноте, на ощупь, она понимает, что там остатки и кости, хлеб и вино смешались в жижу, кусочки овощей и мяса перемешались воедино, чувствуется запах спирта и слюны.

Медуза: Отец отправил мне остатки?

Незрячая: Что?

Медуза: В этой тарелке остатки со стола!!!

Незрячая: Видимо это я... я спутала тарелки, на кухне такая суэта... я ... решила никого не тревожить

Незрячая слышит хруст костей и чавканье. А потом смех. Незрячая слышит шаги приближающиеся к ней. Незрячая чувствует, как воздух рассекается энергичным яростным телом. Незрячая чувствует удар в живот и удар спиной об стену. Незрячая слышит скрип открывающейся двери и кричит:

НЕТ.

До наших дней. Медуза в Колхиде много лет спустя. Теперь это — Картли, населенный единобожниками крестителями.

Медуза и Нина, в ущелье с быстрой и холодной рекой, сидят на камнях, смотрят на лучи звезд, отражающихся линиями в течении темной воды.

Глаза Медузы перевязаны черной повязкой крест-накрест. На ее лице будто черный икс, на ее лице будто черная неизвестность.

Нина: Я встала сегодня утром, все пульсировало внизу живота. Казалось, что какая-то сила, энергия колотится внутри меня и ищет выхода из тела, сердце было быстрым и парящим, а поясница наоборот медленной, тяжелой и томной. Мне хотелось двигать ей вверх и вниз, без спешки, вслушиваться в себя и себя любить.

Медуза: тяжело выдыхает

Нина: смеется и щиплет Медузу за бедро

Нина: Я начала за сердцебиением слышать и другие звуки, сопение девчонок и низкий храп настоятельницы, она заснула на кресле во время ночного чтения. Я стала чувствовать запах наших согретых ночью тел. И все прошло. Я вспомнила, где я и кто я. Мои руки загорелись, стали мне противны, словно я не мыла их после чистки грязной картошки на кухне. Я не могла прикоснуться даже к одеялу и вытянув их вперед, стараясь ничего не трогать, выбежала на улицу, за стену, схватила руками стебли крапивы и стала водить кулаками по ним вверх и вниз.

Медуза: Каждый раз ты приходишь ко мне с новым увечьем и говоришь, что твой бог хочет, чтобы ты себе их нанесла.

Нина: Нет. Бог ничего от меня не хочет, это я хочу. Заслужить его любовь, разделить с ним горний мир после смерти.

Медуза: Ваш бог очень странный. Он ждет вас после смерти, и отправляет вас в жизнь. Но совсем не переживает о том, как вы ее проживете.

Нина: Зато он полон любви. Не то, что ваши.

Медуза: Да. Наши боги спонтанные как море. Никто из смертных не знает, какую судьбу ему уготовят и как круто она может повернуться вспять из - за кратковременной прихоти олимпийцев.

Нина: Я их ненавижу, если честно. Особенно за то, что они с тобой сделали.

Медуза: Они дали мне свободу и бессмертие.

Нина: Свободу от чего? И бессмертие зачем?

Медуза: И то, и то - для разрыва с человеческим. В себе и в других.

Нина: Мне это и так досталось. Монашеская жизнь свободна, хоть все и думают, что мы затворились в ограничениях. А бессмертие я получу от бога, если будет воля его.

Медуза: Сейчас мы можем снова начать эту дискуссию и снова прийти к тому, что нам не сойтись во мнениях, и риторика наша не имеет смысла. Мне не надо верить в своих богов, я знаю, что они есть... хм, были по крайней мере. И ты, и другие, глядя на меня, вы тоже знаете, что они есть или были когда-то. Своим глазам я доверяю больше, чем витиеватым текстам.

Нина: Я бы хотела посмотреть в твои глаза.

Медуза: Я бы тоже хотела в них посмотреть.

Нина: Какого они цвета?

Медуза: Сестры говорят, что янтарного или медового, с тонким черным ромбиком посередине.

Нина: проводит пальцами по поверхности повязки, затем прижимается к ней губами, и по-птичьи несколько раз целует их. Склоняется к уху Медузы и шепчет.

Нина: Я думаю, что они прекрасны. И твои статуи умирают от силы их красоты, а не из-за проклятия.

Медуза: Правда...?

Нина: Я думаю, что ты вся прекрасная.

Из глаз Медузы вытекает несколько белых как молоко и блестящих как жемчуг слезинок. Нина нежно слизывает их и улыбается, прижавшись губами к щекам Медузы.

Нина: Если бы это не было греховным...

Медуза: Если бы ты обладала пониманием, что есть грех, а что благо...

Медуза целует Нину в губы, тонким раздвоенным на конце языком проводит по тонкой белой шее Нины. Когтем распарывает ее сорочку на груди и хочет поцеловать туда тоже.

Нина вскакивает и убегает.

Медуза молча продолжает смотреть на небо и звезды.

Персей. Наши дни. Трехкомнатный коливинг.

Персей лежит в своей комнате на полу и печатает в заметках на телефоне.

Персей: Чувствую сильный страх и сложности в понимании реальности. Не могу вполне осознать, что на самом деле существует и существую ли я сам. Моё зрение словно сужено до туннеля, и дыхание становится затруднительным. Хотя, не совсем так, я могу сосредоточиться только на одной вещи за раз. Всё остальное попадает в расфокусе.

Дыхание участилось. Пишу, произнося в уме слоги. Очень боюсь смотреть в зеркало. И в окно страшно глядеть, но в смысле, что за ним кто-то или что-то может находиться.

Боюсь, что я нахожусь в состоянии изменённого сознания, и страшно, что это могут быть симптомы какого-то психического расстройства.

Я не знаю, у кого просить помощи, и боюсь просить. Страх становится сильнее, когда я думаю, что сейчас же нужно написать кому-то и попросить о помощи.

В то же время ощущение страха, одиночества и заброшенности очень болезненное.

Сейчас я начинаю произносить слова по буквам в уме.

Также я боюсь, что могу покончить с собой. Как будто есть импульс, и я могу сделать это. Или уже был такой импульс.

Страшно вглядываться в зеркало, но это всегда во время панической атаки.

Опустил голову, чтобы не видеть отражение.

Очень боюсь, что со мной что-то не так. Не знаю, что это. И куда обратиться с такими проблемами.

Что ещё? Есть внутренний голос, мой, но строгий. Он говорит, что я всё придумываю и преувеличиваю.

Кажется, что никто меня не любит и все меня осуждают. Я очень хочу принять душ, но боюсь смотреть в зеркало.

Я хочу раздеться, но я открыл дверь и боюсь, что меня увидят соседи, когда я буду голый.

И я всё ещё боюсь смотреть в зеркало.

Очень страшно, что со мной что-то не так. Не знаю, что это. И не знаю, куда идти с этим.

Что ещё? Я не хочу быть сумасшедшим.

Но если я такой, то хотел бы знать, как это называется и как с этим справляться.

Дыхание участилось.

Что ещё сказать?

Мне словно нечего сказать.

Боюсь двигаться и что-либо делать.

Хम्म...

Я устал от писанины.

Мне пришло сообщение в Telegram.

Прикидываться, что всё в порядке?

Но я хочу написать, что у меня паническая атака и ощущение дереализации.

И потом, кажется, начнётся беспорядок.

От этого страшно.

И мне также хочется, чтобы кто-то сейчас пришёл ко мне.

Но это стыдно.

Если бы сейчас кто-то был рядом, мне пришлось бы очень стараться вести себя обычно.

Так боюсь выйти на балкон.

Ладно.

Всё, что я касаюсь, ощущается настоящим.

Кусок подушки в руке, мой телефон.

Простынь и матрас под животом, под коленями, под стопами.

Настоящие джинсы.

Под ногой.

Я ненавижу всех.

Мои ноги ужасно мёрзнут.

Ладно...

Может быть, всё становится лучше?

Боюсь смотреть в зеркало.

Так что, вероятно, всё-таки не в порядке.

Или всё-таки в порядке?

Rrrrrrrr.

Страх.

Я нахожусь в этом зеленовато-сером состоянии.

Попытался заснуть.

Но потом начал бояться засыпать.

Как бы хотелось, чтобы моё сердце разорвалось во сне, и мне больше не пришлось бы так чувствовать.

Это страшно иметь такие мысли.

Очень хочется спать.

Страшно спать.

Моё сердце болит.

Оно разорвётся?

Ну, я так сильно люблю жизнь.

Пусть оно разорвётся (попробовал написать это слово 15 раз), если есть загробная жизнь.

Страшно, что кто-то придет.

Страшно что кто-то остался. Кто остался и где?

(открывает сообщение в телеграме)

Андромеда: Я осталась в воде в объятиях чудища морского.

Персей: Кто говорит со мной и о чем?

Андромеда: Я говорю с тобой. Я - Андромеда.

Персей: Откуда у тебя мой номер?

Андромеда: Путь к сердцу твоему открыт моему голосу всегда, в каждом из времен. Я говорила с тобой фресками, живописью, статуями, письмами, поэмами, телеграфными столбами, звонками по телефонам, видео, фильмами, кодами, книгами, играми на ПК и PS, теперь вот пишу с айфона.

Персей: Я вспоминаю фрески и вазоны, я вспоминаю картины, как ты писала их?

Андромеда: Художники так много проводят времени, глядя в море, их легко вдохновить. Через них я пыталась тебе сообщить о цели твоей.

Персей: Я вспоминаю звонки и письма. Но там был не я...

Андромеда: Это всегда был ты, я находила тебя в каждой эпохе и говорила с тобой так же, как говорю сейчас. Ты сначала не помнил, а потом вспоминал. Даже эти слова я говорила тебе уже. И эти тоже.

Персей: Голова болит и переполняется память моя. Ты была прикована к скале, на ее выступе ты стояла, и к тебе медленно двигался морской титанических размеров змей.

Андромеда: Там мы и встретились впервые.

Персей: И я пришел спасать тебя.

Андромеда: Ты был безоружен, ты не смог даже пальцем пошевелить в мою сторону. Боги не помогли тебе, и ты смотрел, беспомощно смотрел, как чудовище шлангом собирает вокруг моего тела, и под крики мои уносит меня на дно.

Персей: Да, я очень хорошо помню беспомощность. Импульс броситься за тобой и драться, пусть и умереть, он не мог прорваться сквозь броню фрустрации и онемения. Мне было тяжело двигаться и я просто смотрел.

Андромеда: Я не виню тебя.

Персей: Где ты сейчас?

Андромеда: Я на дне океана, чудовище обернулось вокруг меня кольцами и спит уже несколько тысяч лет.

Персей: Ты там не задохнулась?

Андромеда: Нет, я жива и мои глаза уже привыкли к соли, но я не могу, ни спать, ни двигаться. С тех самых пор. Мы все живы с тех самых пор. Наш жребий не был разыгран. И мы теперь живы. Ты и Даная перерождаетесь, Медуза не умирает, я недвижна в объятиях змея.

Персей: Кто Даная?

Андромеда: Ты вспомнишь, сейчас это неважно.

Персей: Я знаю это имя.

Андромеда: А ей известно твое.

Персей: Скажи, а я любил тебя?

Андромеда: Нет

Персей: Я тоже так чувствую.

Андромеда: Я любила тебя.

Персей: И мы с тобой... Как мы с тобой?

Андромеда: Мое сердце, переполнившись любовью, готово было распороть тело мое и рассыпаться созвездиями и туманностями. Я бы стала любимицей звездочетов, романтиков и космологов. И мне это подходит больше, чем твоя любовь. И любовь к тебе. В конце концов, я всегда хотела свободы, красоты и влияния.

Персей: Правда? Я не знал.

Андромеда: Никто не знал, но никто и не спрашивал.

До наших дней. После пира.

Афина идет по залу, в котором совсем недавно был свадебный пир. Все люди замерли в нем статуями, кроме невест. Эвриала и Сфено стоят прижавшись к Медузе спинами и обнимая ее руками, они смотрят на богиню и сразу ее узнают.

Афина: Мне нравится, это красиво.

Медуза: потупляет взгляд, до этого направленный в сторону трона, где сидят ее родители.

Афина движением рук разгоняет сестер от Медузы, и подходит к ней близко-близко. Медуза закрывает глаза, и упирается подбородком в грудь. Афина поднимает ее голову руками.

Афина: Посмотри на меня.

Медуза: О, Паллада, не проси. Я не могу навредить тебе.

Афина: Приказ то был, а не просьба. И навредить мне ты не способна, дурачье.

Медуза смотрит в глаза Афине и головокружительно ясно все понимает.

Медуза: Это был дар, твой, Афина. Иначе бы они каждую ночь ложились в мою постель, пускали в моей матке семя, сперматозоиды проникали бы в мнря, и сплетались бы в паутину, вцепившись в хвостики друг друга

Афина: Я не сильна настолько, чтобы убить мужчину-бога.

Эвриала и Сфено хором: Богиня проявила мудрость и создала женщину - чудовище.

Медуза: Блестящие волны волос женщины - рабыни, манящие мужчин-господинов снимать штаны в подворотнях, ты заменила на три тысячи восемьсот девять изящных и тонких змеек, блестящих от яда inferнального наслаждения

Афина: А спелые груди женщины - матери, полные молока горячего, что мужчины - воины любят жадно глотать, убив сорок тысяч младенцев, я заменила скорпионьими жалами. Не прольётся любовь отныне из острых сосцов.

Медуза: Мягкие полные губы женщины девы полнокровной и крепкой, что стонут по указке мужчины - фаллоса, мужчины - животного, мужчины - ты, знаешь, у нас такая природа, нам нужно много, нам нужно часто, женское тело лучше чем крепкие кулаки.

Эвриала и Сфено хором: Богиня защитила клыками вепря и острым колючим ранищим языком.

Афина: Ты свободна от пенетраций, и в этом равна мне. В остальном же ты такая же юная и неспелая, только сгнившая раньше времени, смоковка.

Эвриала: Паллада, мы видим в сестре нашей твой лик, ты коснулась ее своим божественным даром, мы служить ей хотим как первой жрице твоей, что по силе бесчувствия на четверть твой плод.

Сфено: Ты позволь уподобиться ей и тебя чрез нее восхвалять. Да мстить всем, кто нарушит вечную женственность и невинность твою.

Афина: Не хотите уйти, выходит? И не плачете по мужьям?

Эвриала: Не нужны нам мужья и родители, если можем тебе услужить хоть минутой жизни своей.

Сфено: Прменяем красу свою крутобедрую и любовников всех на секунднй твой взгляд, наполненный удовольствием.

Афина протягивает Сфено веретено, а Эвриале ножницы.

Афина: Непокорных судьбы сплетайте, непокорных воле моей и отца моего, да Гайи и Хроноса. Наполняйте их жизни испытаниями, болью, препятствиями. Пусть пожертвуют тем, что любят больше всего, чтобы путь свой найти во тьме этой жизни. А если не смогут, пусть тьма поглотит их жизни.

Эвриала и Сфено становятся перед Афиной на колени и превращаются в существ, похожих на Медузу.

Эвриала: О, никаким подчинением не отплачу я за дар твой, Афина.

Сфено: Солнце пропало или глаза мои?

Афина: Вам видеть не стоит того, что плетете вы. Иначе соблазн власти над чужими жизнями волю мою победит.

Эвриала: Дай хоть один глаз на двоих нам, богиня? Я не буду видеть, что режу, а Сфено не взглянет на нить, что плетет. А работа наша требует иногда присмотра, а то нити спутаются и жизни помнутся чужие. Не хуже ли это, чем власть да соблазн?

Афина: Правы вы. Знайте, что я знаю все ваши мысли и чувства, покуда он с вами.

Кладет в ладонь Эвриалы одно глазное яблоко.

Медуза: А мне как тебе услужить, Паллада?

Афина: Будь достойной наследницей дара моего и царства отца твоего. Дома не покидай, гостей принимай с тем, с чем пришли они к тебе.

Наши дни. Андромеда.

cucumbar_19: Привет, форумчане. Каюсь за отсутствие! Пропал из-за работы, мочальник \$uka, поставил оверфейхоа, смен на этой неделе. Первый выходной! Сижу, выпиваю прилично, и читаю все, что вы тут ~~надрочили~~ настрочили без меня 😊. **@izo_lda**, миледи, ваши слова трогают мое сердце 🌹🌹🌹 приятно, что хоть кто-то да тосковал по утомленному боями с мочальником рыцарю 🌹🌹

Во-первых, негодую! Доколе в наш уютненький виртуальный сад (хочется добавить “детский”) будут впускать ботов. Одмен, я, твой покорный слуга, со всем подобающим случаем раболепием, вопрошаю, доколе?

Во-вторых, к сожалению я упустил главный инфоповод нашего двора! Бабки на скамейках метались тапками, а молодежь плевалась в ответ.

@check_meck, ты пишешь, что видео - это монтаж, что никто из сада живой не выходил. А ты не видишь, что снято дроном?

@yamarusya, кто тебе сказал, ну кто тебе сказал, что тебя я не люблю? Видос разошелся по интернету со скоростью света, потому что оператора нашли недалеко от сада, и последний кадр вы же видели? Там змейки шипят прямо в камеру, а потом съемка пропадает. Потому что у них глаза тоже вообще-то от хозяйкиных не очень отличаются.

Я вообще не понимаю смысл вашего срача. Пусть Фома Неверующий останется Фомой, а мы Еремами - дураками. Ну и бог с ним.

@andromeda_ne_byla, ты так уверенно пишешь, пружфы в студию, миледи, можно новую ветку создать и там все твои теории разобрать.

На этом все, comrades! Жду ваших ответов, мнений и пью за вас, за нас и за Кавказ!

Пы. Сы.: На следующей неделе мочальник назначил встречу тет-а-тет, как думаете, пан или у_е_б_а_н?

check_neck Вот здесь у тебя и возникает противоречие, если бы видео не было ФЕЙКОМ, то все бы мы уже окаменели, потому что через камеру эффект такой же, как и в жизни. Если ты говоришь, что у змей такие же глаза, то и работают они также, а именно — превращают смотрящих в камень. Ты камень сейчас? А, может, я камень? А, может, миллионы людей с ютуба? Здесь у тебя не может быть контр-аргументов совсем. Все живы.

andromeda_ne_byla: Вот карта сада. (**прикрепленный файл, просмотреть_скачать**)

В саду статуи, чувствуют боль вечно.

В сад людей приводит три желания: суицида, любопытства и борьбы.

Эти желания характеризуют **типы личности, которые привели их в сад**:

- суицид - уныние, апатия, депрессия, невроз, психоз.
- любопытство - желание подсматривать и учительствовать, осуждать и сыпать нравоучениями
- борьба - желание победить, выразить гнев и ненависть, дискриминировать

На стыке диаграммы Венна **рождаются следующие типы личности**:

- суицид+любопытство = изобретатели, ученые
- борьба+суицид = армия, полиция, птср, инвалидность, фантомные боли
- любопытство+борьба = все типы радикалов
- все вместе - artists.

coruipasting только с упоминанием меня!

yamarusya: выглядит все по красоте, но я реал не понимаю, откуда все эти данные?

cucumber_19: а что не понятного? из красивой головки нашей красотки!

yamarusya: рафл вафл

izo_lda: кукумбар! товарищ, и вы тут уже? ваш пострел, как говорится..

izo_lda: по поводу тредика, такой вопросы к т.н. авторке, почему ты назвала диагнозы, черты характера и желания - типами личности? Следующий вопрос: как они, обладая, всеми этими качествами характера, диагнозами и желаниями, поняли, что вот им надо, блин, непременно, в сад Медузы? И почему, последнее, но не менее важное, ты называешь диаграмму Венна - картой сада?

cucumber_19: МОРТАЛИТИ (*читать голосом из морталкомбата) **

yamarusya: подписываюсь под всем выше сказанным и жду ответов от **@andromeda_ne_byla**

До наших дней. Дворец Медузы.

Медуза и Сфено сидят за столом и играют в шахматы.

Сфено: Нить твоя пересекается с другою. Нам это не нравится.

Медуза: Что значит сплетение нитей в полотне вашем?

Сфено: Любовь или смерть.

Медуза: Ни то, ни другое мне недоступно.

Сфено: Он полубог.

Медуза: Полу-какой?

Сфено: Полу-Зевс

Медуза: Пиздец.

Сфено: Сын Данаи и Зевса.

Медуза: Я думала, его утопили?

Сфено: Все так думали. А теперь Персей идет к тебе.

Медуза: Зачем?

Сфено: Мы с сестрой не знаем. Не видим. Мысли его и намерения закрыты от нас шлемом гермесовым, крылатым. А сердце щитом, что Гефест сковал. Пока не придет, и устами не заговорит, знать не будем.

Медуза: Ну, если любовь или смерть, то выходит, либо соединиться в браке со мной он хочет, либо умереть.

Сфено: Или убить.

До наших дней.

Наши дни.

Медуза и Персей в плотной лесной чаще.

Персей делает вид, что спит, с усилием сохраняет расслабление на лице, и старается не открыть глаз.

Медуза смотрит на Персея. Проводит пальцами по его лицу и волосам.

Медуза: Я знаю, что ты не спишь. Но ты прав, глаз не открывай. Ты так красив, когда лицо твое спящее к луне обращено. Я вижу, ты взял с собой оружие, а не цветы и птиц из драгоценных камней. Идешь убить или умереть. И боги снабдили тебя для этого всем.

Персей: Иду убить тебя или умереть.

Медуза: Чего ты хочешь сам?

Персей: Ни того, ни другого.

Медуза: Понимаю. Но Богам это не интересно.

Персей: Да, спасибо, что говоришь со мной об этом. О моих чувствах и желаниях. Я чувствую себя таким одиноким. Все, что у меня есть, это предназначение. Убить тебя, спасти Андромеду, убить деда.

Медуза: Я вот убила своего отца.

Персей: Правда? Мы живем в мире, где каждый второй убивает отца, а каждый первый вожделеет мать. Как нелепо! А ты хотела его смерти?

Медуза: Да, очень. А ты хочешь смерти своего деда?

Персей: Не очень, мы с ним даже не знакомы. Почему я должен убивать незнакомцев?

Медуза: Фатум. Из - под век твоих вытекают слезинки.

Персей: Все это слишком тяжело для меня.

Медуза: Да, понимаю.

Следующей ночью, Персей за день стал ближе к саду Медузы. Она обнаружила его у реки, где он умывался перед сном.

Медуза: Я здесь, не оборачивайся.

Персей оборачивается лицом к Медузе, его глаза закрыты, а на губах улыбка.

Персей: Я тебе очень рад. (протягивает руку)

Медуза берет Персея за руку, отводит его к мягкой траве под деревом, садится вытянув ноги и опершись на ствол спиной. Помогает Персею лечь головой на ее бедра.

Нежно гладит каждую частичку его лица и тела. Губы или щеки, грудь или колени. Ей хочется пальцами запомнить рельеф и фактуру его организма, запомнить - его хрупкого и физического, неокаменевшего.

Персей: Мне плохо спится со вчера. Я теперь ничего не знаю и совсем ничего не понимаю. Только сейчас, когда ты пришла, я стал чувствовать дремоту. Не думай, что ты наводишь на меня тоску. Ты даешь мне покой.

Медуза: Я помогу тебе уснуть, читая стихи. О тебе, о себе, о том, как я люблю тебя, и как ненавижу тебя тоже.

Персей: А я буду засыпать крепко и беззаботно, зная, что ни любовь твоя, ни ненависть ко мне не адресованы. Они предназначены тому, кто дал тебе любовь, а потом отобрал ее и пренебрег тобой.

Медуза: Неправда. Это все о тебе, к тебе и для тебя. Засыпай под стихи мои.

Я бы хотела, чтобы ты был моим ребенком. С той же силой, с какой я представляю тебя сдавливающим мою шею большой твоей ладонью от избытка чувств, с той же силой я представляю тебя, уложившим голову на мои колени, и тут уже моя тонкая и длинная ладонь растворяется в волнах твоих волос.

У тебя тихий голос, ты очень вдумчиво и долго говоришь, иногда я слышу море громче чем тебя. Каждое твое слово я слушаю внимательно, знаю, что ты еще не закончил, даже если пауза очень долгая, я в твоих паузах слышу море, ты им говоришь тоже, ведь так?

Ты со мной говоришь морем. Я тобой молчу. Все мое тело - это импульс к твоему телу. Мое тело проявляет волю к твоему. Когда я прижимаюсь к твоей груди, я отчетливо слышу твое сердцебиение, я слышу как под силой дыхания чуть расходятся ребра.

Я очень хочу целовать твое сердце. Я предполагаю, как оно выглядит, я не строю фантазий. И именно его, в паутине жировой ткани, краснорозово-синее, влажное от крови, за клеткой ребер, именно его я хочу целовать.

Я хочу провести по нему языком, я хочу им нащупать каждую его складку и вену. Твое сердце это самое ценное, что есть для меня в этом мире.

Оно настолько ценное, что я бы не пустила ни одно донорское в твое тело, я бы смотрела, как ты умираешь, но с ним в себе. Оно было в тебе во чреве матери. Оно впитало весь твой опыт, оно пульсирует, когда ты волнуешься до сильной тряски, оно медленно глухо звучит, когда ты спишь. Оно это огонь света, благодаря которому я верю в свою небезнадежность.

Зачем ты спишь, зачем ты видишь сны, зачем ты ешь, зачем ты сидишь восемь часов на работе, зачем ты улыбаешься, зачем ты грустишь, зачем ты дышишь, зачем тебе боль, зачем ты дружишь, зачем ты опаздываешь, зачем ты покупаешь хлеб, зачем ты садишься в такси, зачем ты занимаешься любовью, зачем ты срываешь ветки цветущих глициний, зачем ты трогаешь, зачем ты мыслишь, зачем ты гладишь прохожую кошку, зачем ты разглядываешь узоры гор, зачем ты....

если я не могу это наблюдать?

Нет большего удовольствия, чем ты

Нет большей боли, чем ты

Нет, ты.

Это мой ответ на любой вопрос, на любое предложенное взамен тебя богами и людьми благо.

Нет. Ты.

Т и Ы выглядят так скучно и нелепо, когда я говорю о тебе. Эти буквы совсем тебе не идут. Как и любые другие.

Тебе не идут буквы. К тебе не идут мои буквы.

К тебе идет мое тело, все мое тело - это импульс к тебе.

Моя воля, мой выбор, мое сердце - нет, ты.

Когда я впервые встала и пошла 26,5 лет назад, я сделала это, чтобы когда - то мои ноги могли привести меня к тебе.

Когда-то первые нейроны соединились в моей голове и стали зародышем интеллекта, чтобы я могла воспринимать тебя всеми органами чувств, осмысливать тебя моим развитым сознанием.

Нет?

Ты?

Исчезнувшее тело

Мое тело растворяется
дурмане. Моего тела

больше нет, оно принимает
формы одеяла, оно из пуха,

оно из синтетического

коттона, качество турецкое.

У него есть глаза. Все

оно состоит из глаз, высохших

в приступе страха, мое

тело мягкое и боящееся,

покрытое глазами. Я не

могу двигаться, могу только

смотреть, могу исследовать

и анализировать. Справа

стоит бутылка и два стакана.

Вариант номер один, в случае

чего, - ударить бутылкой

в висок. Плюсы: летальный

исход маловероятен, особо

тяжкие тоже Минусы: может

разозлить и вызвать в ответ

много насилия Вариант

номер два, в случае чего,

- разбить стакан, самый всегда превращалась

крупный осколок, который

останется, воткнуть в глаз

или яремную вену. Плюсы:

один в ночестве

я о тебе не могу перестать
думать. как, спустя много лет,

ты стал для меня открытием.

твоя хрупкость, твоя уязвимость.

твоя нежность. твоя сила.

всё.

слепота моя от насилия.

ты казался заманчивой угрозой,

которую мне хотелось себе

подчинить.

а теперь ты кто.

уж точно не угроза.

ты - родство.

ты родство в несогласии со злом.

ты родство в любви. ты

родство в уязвимости.

и ты - другой.

а я принимаю тебя.

и готова давать тебе

любовь, не ожидая

ничего взамен.

и в этом ты - уникальность.

потому что любовь для меня

в стратегический план

по захвату

гарантий.

мне не грозит насилие, у
него будет болевой шок

Минусы: высокая вероятность

летального исхода, особо

тяжких и уголовного дела

Минусы глобально: повсюду

мои отпечатки, частички

кожи, следы обуви, есть

очевидцы, есть цифровые

свидетельства нашей

коммуникации. То есть,

если начнётся насилие, то

я должна либо сражаться,

забив на грядущий срок,

либо перетерпеть и что...?

Обратиться в полицию,

видимо. Не мыться.

А телу уже очень хочется

в воду. Хочется стать и я не хочу тебя

чистым и подвижным. ковырять.

Мое тело на меня в обиде,

за то, что я его выключила.

За то, что я подвергла его

угрозе. Весь день я провожу

в слезах и во сне. А

ночью из меня начинается истекай гноем,

вытекать кровь, намного

раньше, чем должна была.

гарантий, что я любима,

значима, неодинок.

парадоксально. сейчас я

любима, значима и

одинок.

эти чувства не идут вместе.

а я чувствую себя не только

одинокой, но и

исключенной.

исключительность я

воображала прежде,

имею - исключенность.

они очень похожи.

но первым обладает

каждый, вторым -

только израненные.

ты - родство в ранах.

ты - моя рана.

ты - моя рана.

ковырять.

перекисью водорода

обливать не хочу

тоже. зашивать или

прятать не хочу.

хочешь кровотоци или

хочешь зарастай новой

хочешь зарастай новой

темно-розовой кожей,

Тело наказывает меня
преждевременными месячными
за то, как я с ним обращалась.

Телу будет хорошо, если
я буду другой. Буду той,
кто использует оба варианта.

Сначала бутылкой в висок,
потом разбить стакан и в
я бы слушала твою нежность и твою боль
мне бы хотелось с тобой побывать на море
тебе достался трудный путь к исцелению
у меня есть силы только на объятия и слезы
мне хочется с тобой это все разделить
потому что что-то внутри меня мешает этому окаменению
а я о нем мечтаю

хочешь плотной бурой
сукровицей.
ты - мне тело.
и я люблю наблюдать
твое исцеление.

я бы хотела чтобы ты меня сейчас обнял
ахилловы сухожилия. А
потом можно запихнуть иглу
ему в уретру. У меня с
собой. Я тем вечером вышивала.
Мне хочется перестать быть
той, кто пугает. Мне хочется
пугать. Мне хочется, чтобы
чужое тело рядом со мной
онемевало, потело и тряслось,
ощущая опасность.
Я не хочу отдавать свое
тело, поддаваясь чужой силе.
Но и чужое брать не хочу,
если честно. Потому что
оно отвратительное и грязное.
Наполненное похотью и злобой,
и обидой на все живое.
А я живая. И я безобидна.

я все еще ни в чем не вижу смысла
Во всех смыслах.

конечно сколько раз я пыталась прийти сюда ровно столько же раз убеждала себя что не стоит прошлое должно оставаться в прошлом а я должна жить настоящим боль по кумыкски значит дели императив мне больно что ты разделил императивно мне больно что

я отвергнута мне больно что я одинока мне больно что я растеряна
видела ли я в тебе утешение этих болей кем ты был и кем будешь
меня бесит ждать меня бесит твоя непокорность меня радует моя
негибкость императивы это моя тема но гордость сложно преодолеть
и вот она меня бесит я хочу вот искренне хочу чтобы меня ценили
и любили такой какая я есть а я есть непримиримая я есть кровавая
кривая я есть ярость и я же любовь ну реально хочу чтобы меня
прямо нереально уважал ты и понял что это такой поступок
провокация и демонстрация типа я себя не на помойке нашла
мелочи это все а больно больно боль но я не буду против себя идти
я знаю что я переживу ты это классная упущенная возможность
впереди еще много других если я не буду такая то какая я буду
униженная и отвергнутая так хотя бы просто отвергнутая и вообще
со временем все меньше тоски все больше сосредоточенности еще
пару дней

и я верну

с

е

б

я

Иногда я могу расплакаться после мастурбации, потому что чувствую себя
опустошен ной и одинокой.

Когда я думаю о тебе, так не бывает Вообще многое, что с тобой во мне
связано, иначе, чем привычное и болезненное

Еще иногда я очень боюсь, что перестану это чувствовать. Хотя уже очень
давно не перестаю это чувствовать

Эмоций и слов так неисчерпаемо много, что сколько бы я ни писала, это не
истощается

А в этой новой для меня откровенности только крепнет Я боюсь любить
сильно.

Это мне дается сложно. Но какое же это удовольствие и счастье - любить тебя
сильно Ты и представить не можешь

Когда я думаю об объятиях с тобой, мои предплечья, ладони и бедра горячат.

Я вспомнила кое-что

Когда я тебя увидела,

то подумала, что мы были едиными частичками звездной пыли или чего-то такого, что вырвалось во время взрыва, стало атомами, жизнью, любовью, руками, волосами и запахами.

Это чувство

сохраняется во мне

и часто крепнет.

Я очень хочу быть в твоих объятиях.

Положить голову на твою грудь, засыпать, слушая твое сердце. Я не могу о тебе говорить, что мне тебя не хватает. Слово «нехватка» не описывает масштабов опустошения. Ты полнота моей свободы. Я очень тебя люблю. И иногда, когда мне совсем плохо и ничего не хочется, мысль о возможной, маловероятно возможной встрече, когда-то в течение жизни, этой или следующей, удерживает меня в сознании, силе, деятельности. Я сейчас скажу трюизм, но они всегда точнее всего. Любовь это не то, за что умирают. Это то, ради чего живут. Я не живу ради любви. Но в ней я нахожу силы к жизни. А она в тебе. Она к тебе. Да.

Невыносимо сильно хочу тебя.

Я всегда хотела слиться с другим. Но никогда это не удовлетворяло меня в процессе. Здесь я обретаюсь и становлюсь целой и без слияния. И этот опыт меня научил видеть, какая я уникальная. Как мне повезло родиться и прожить именно свою жизнь. Как щедро я одарена красотой души и тела. Как это все выжило во всех обстоятельствах моей жизни, прошло через все мои выборы и стало только ярче. Я чувствую, как мне важно избегать вредоносных людей. Людей, которые во мне это ненавидят или не могут принять. Мне казалось за радость получить от кого - либо хоть крохи любви. И я не понимала, что это - тлеющая спичка, а моя любовь - солнце. Если я люблю кого-то, если уделяю внимание, это значимо. Я чувствую, что больше не смогу принимать вред в ответ на мою любовь. Потому что я наконец вижу ее силу. Я столько раз это слышала от других. Впервые в жизни я слышу свой голос. Неловкость и стыд за то, что я есть, сменяется во мне ощущением счастья, я есть, я, несмотря на препятствия, выбирала исправляться. Хотя конечно, я сама того не зная, выбирала исправлять. А насчет себя я выбирала обретаться.

И обретаюсь.

До наших дней. Картли.

В саду Медузы.

Глаза Медузы перевязаны черной повязкой крест-накрест. На ее лице будто черный икс, на ее лице будто черная неизвестность.

Нина: Я отмолила, я искупила. Наш. Грех.

Медуза: (проводит рукой по внутренней стороне бедер Нины) Чем ты это?

Нина: Я работала на кухне, кипятила бульон. Сестрам сказала, что случайно облила себя. Меня стали лечить, несколько дней я провела в постели. Сестра Тамара присматривала за мной, она меняла простыни по несколько раз в день. И умоляла меня принять лекаря. Я отказалась.

Медуза: Почему?

Нина: Ей я сказала, что неправильно мужчине осматривать меня между ног.

Медуза: Тебе не хочется жить, Нина. Ты называешь это наказанием. На самом же деле, ты убиваешь себя, медленно и мучительно. Ты не согласишься со мной, потому что убивать себя, по-вашему, это страшный грех. И тогда ты не сможешь соединиться с богом.

Нина: Я делаю все, чтобы искупить свою похоть. Страсть к тебе. К женщине, к язычнице.

Медуза: К чудовищу.

Нина: Знаешь, назвать тебя чудовищем, или слышать, как это делаешь ты, для меня это тоже грех. Богохульство. Когда я вижу тебя, я хочу жить. Когда мы расстаемся, хочу...

Медуза: Очиститься?

Нина: Хочу снова к тебе.

Медуза: Правда? Почему ты не уйдешь ко мне? Почему отказываешь все время и сбегаешь обратно?

Нина: Мне не хватает смелости говорить о своей любви, уйти оттуда к тебе, всего несколько тысяч шагов. И, совершив их, я должна буду признать, что поддалась страсти и греховной любви. И отреклась от тех, кто растил меня.

Медуза: Я тоже растила тебя.

Нина: Почему я не могу совместить две своих жизни, дневную и ночную. Почему я сбегаю к тебе как преступница.

Медуза: Ты хочешь несовместимых вещей. Но, знаешь, пусть это прозвучит жестоко, но я, только я, с самого твоего детства, по-настоящему принимаю тебя. Твой бог учит принятию. Я много о нем слышала, сюда приходили его ученики, очевидцы и свидетели.

Нина: А его ты не видела?

Медуза: Я не могу покинуть Колхиду. Мне доносили многое о нем. Например, что он в меня не верит. А я в него верю, знаешь. Но не так как ты. И даже больше, чем ты. Я знаю, что он был, и чему учил. Мне пересказывали слова те, кто их слышал.

Нина: Счастливица.

Медуза: Да, его слова тогда вызвали во мне много уважения. Я стала верить в человечество. Мне говорили, что он спас проститутку от избиения камнями. Конечно, я до сих пор с трудом и только ради тебя называю его богом. Для меня он — выдающийся учитель людского. Он не говорил ничего, что человеческий разум не способен постичь.

Нина: Будьте просты как голубки...

Медуза: Нина, нигде и никогда он не говорил, что прекрасные юные чистые души должны делать с собой то, что делаешь ты. Зачем же ты делаешь это?

Нина: Он говорил про мужеложество с отвращением. И про ласки самостоятельные тоже.

Медуза: Да, он действительно много говорил про мужчин. И обращался тоже к мужчинам. Женское тело не было ему знакомо, и он избегал говорить о нем. Тем более, что-то ему приказывать. За это я его уважаю тоже. Он знал границы. Он не запрещал женщинам трогать себя, трогать друг друга, любить друг друга.

Нина: О, Боже, это софистика! Твои педагоги по риторике, должно быть, сейчас сияют от гордости где-то в подземном царстве!

Медуза: Я не понимаю, почему вас перестали ей учить. Но, послушай, разве я не права? Я беру его прямую речь и фундаментально к ней обращаюсь. Разве он обращался к женщинам и запрещал им что-то?

Нина: Я не буду даже слушать тебя. Я отключаюсь, мои мысли в молитве сейчас.

Медуза: Молись, это верно. И хорошо даже, что ты молишься тому, кто не велел тебе обливать себя, свое женское, кипящим бульоном.

Нина: Лучше выколоть себе глаза, чем прелюбодействовать даже в мыслях.

Медуза: Нина, автор этих слов даже не встречал его ни разу!

Нина: Ты слишком прямолинейно все воспринимаешь.

Медуза: А ты слишком абстрактно. Хотя даже если говорить про прелюбодеяния в мыслях. Хм... Этот мужчина велел избегать размножения. Что

это, если не коллективное самоубиение? И что, если не противоречие одному из первых приказов отца, плодиться и размножаться.

Нина: Змея — искустельница.

Медуза: (ласково) Так и есть. Не я ли протянула тебе запретный плод с древа познания любви и зла?

Нина: Добра и зла.

Медуза: Добро и любовь для меня синонимы. Ты останешься со мной на ночь?

Нина: Останусь.

На рассвете Нины уже нет. Сфено входит в покои Медузы.

Сфено: Ваши нити не пересекаются. Девчонки не может быть в твоей судьбе, а тебя не может быть в ее.

Медуза: Что это значит?

Сфено: Я не понимаю, Эвриала тоже. Возможно, Афина смогла бы нам разъяснить, но она все еще молчит.

Медуза: Она все еще мертва, как и все остальные боги.

Сфено: Хватит это повторять. Мы нарушили ее завет и она отвернулась от нас.

Медуза: Да-да. А от меня ты что хочешь услышать?

Сфено: Я просто пытаюсь понять причины парадокса. Как все это случилось, если ваши нити не пересекаются

Медуза: Хватит! Хватит лезть в мою судьбу! В прошлый раз вам тоже не понравилось, куда движется моя нить. И вы всё! Абсолютно всё! Разрушили!

Сфено: Мы не могли позволить тебе умереть. И не позволим снова.

Медуза: Вам это не помогает. Каждый раз вы отрезаете нить Персея, а она все равно появляется в вашем полотне.

Сфено: Ты хочешь, чтобы мы позволили ему отсечь твою голову и использовать ее как орудие?

Медуза: Он бы со мной так никогда не поступил.

Сфено: Да-да, наивная! Ты до сих пор наивная! Один воспользовался твоим телом, другой запер в грязной темноте, третий собирался запихнуть твою голову в мешок, а потом прибить ее к своему щиту, чтобы сражаться и слыть храбрым воином, да справедливым царем.

Медуза: Пусть так. Пусть так. Пусть так. Неужели ты не понимаешь, что смерть была моим единственным исходом? Так хотели боги, и даже Афина, которой вы пятки прежде вылизывали, как преданные собачонки.

Сфено: Мы с Эвриалой преданы семье. И ты наша единственная семья. Мы будем защищать тебя, раз не сумели защитить тогда.

Медуза: Что вы могли сделать против Посейдона?

Сфено: Не оставлять тебя одну на пляже тем утром.

Медуза: Вы обе — пряжи судеб героических. Вам ли не знать, что воли Тюхе не избежать?

Сфено: Пока нам удастся.

Медуза: В каждом новом перевоплощении он оказывается все старше и ближе. Вы не остановите его. Вы не сможете лет через сто или двести ваши ножницы не обрежут его нити. И он войдет сюда.

Сфено: Значит, у нас есть время, чтобы что-то придумать.

Андромеда. Наши дни.

Андромеда: Понятие «сети» трансформировалось вместе с миром. Теперь я живу в сети, но не в морской, а в виртуальной. Пусть телесно я все еще связанная в кольцах морского чудища, мыслями я могу быть здесь.

Персей: Ты в облаках, выходит?

Андромеда: Типа того.

Персей: А как тебя спасти?

Андромеда: Когда ты окажешься на берегу моря, рядом со мной, чудище пробудится, и поплывет в твою сторону, а я буду привязана к его спине. Кричать и просить о помощи.

Персей: Для этого я должен убить Медузу? Обезглавить ее и взять ее голову с собой?

Андромеда: Да. Насилие порождает насилие.

Персей: Ага. А почему мы перерождаемся? Ты знаешь?

Андромеда: Я пролетаю спутниками и старлинками над каждым уголком Земли, я знаю все про всех.

Персей: Ну говори, значит.

Андромеда: В самый первый раз, когда мы проживали эти жизни. В самый первый раз. Пряжи сюжетов, нарративов и мифов о героях, Сфено и Эвриала, отрезали нить твоей жизни, чтобы ты не добрался до их сестры, Медузы.

Персей: Чтобы защитить ее от меня?

Андромеда: Да.

Персей: И мы перерождаемся, чтобы я закончил свое дело?

Андромеда: Да. Действия сестер вызвали пространственно-временной парадокс. Я замерла в процессе вечного похищения. Ты и твоя мать рождаются снова и снова, в разных эпохах, каждое поколение. А Медуза и ее сестры продолжают жить.

Персей: Ты сердишься на них?

Андромеда: Раньше бывало, да. Сейчас я равнодушна ко всему.

Персей: А мне ни разу не удалось выполнить свое предназначение?

Андромеда: Да, сестры всегда перерезают твою нить. Но с каждым разом это им дается все сложнее. Нить тянется все дальше и дальше, становится все плотнее и плотнее. Когда-то ты и до года не доживал. Но с каждым разом, ты все старше и старше. Как видишь.

Персей: Мне кажется, в этот раз я доберусь.

Андромеда: Мне тоже так кажется.

Персей: И мне придется убить Медузу?

Андромеда: Тебе придется спасти меня. И свою мать тоже.

Персей: Ценой жизни Медузы?

Андромеда: Тебе надо спасти нас. Мы так больше не можем. Умоляю, спаси нас.

До наших дней. Картли.

Глаза Медузы перевязаны черной повязкой крест-накрест. На ее лице будто черный икс, на ее лице будто черная неизвестность.

Медуза: Останешься на ночь?

Нина: Сегодня я очень близка к тому, чтобы остаться навсегда.

Медуза: Правда?

Нина: Да. Я не хочу больше разделять свою жизнь на две. Я от этого очень устала, я устала от такой жизни. Я хочу остаться с тобой навсегда.

Медуза: Я так счастлива это слышать.

Нина: В этой жизни меня вели и ведут два чувства: стыда и любви. Мне было стыдно любить тебя, мне было стыдно не любить тебя. И я всегда, за стыдом, забывала о том, что я люблю тебя. Я очень люблю тебя. Я люблю тебя во всем, что ты есть. Я люблю смотреть на твои статуи, на их мимику, вечно выточенную в камне, на их последний взгляд. Я завидую им, что они видели тебя, я радуюсь за них, что они видели тебя.

Медуза: (целует ладонь Нины, прижимая ее пальцы к своим губам)

Нина: Позволь спросить? И обещаю, что ответишь честно.

Медуза: Да?

Нина: Ты была здесь, когда меня сюда привезли. Ты видела моих родителей?

Медуза: Я видела твою мать.

Нина: Она принесла меня сюда?

Медуза: Да.

Нина: Одна?

Медуза: Да, я увидела девушку, которая шла вдоль реки. Потом она где-то среди деревьев затерялась. Спустя время я услышала плач. И поняла, что она оставила тебя там, у порога. Так многие делали.

Нина: (холодно и монотонно) Я попросила тебя отвечать правду, не так ли?

Медуза: (змеи на голове Медузы, до этого спящие, начинают медленно шевелиться) В чем я соврала тебе?

Нина: В том, где она меня оставила. Она прокралась в твой сад и оставила меня здесь, не так ли?

Медуза: (змеи взволнованно приподнимают головы) Да.

Нина: Она хотела моей смерти, да?

Медуза: Вероятно.

Нина: Чтобы ты на меня посмотрела, да?

Медуза: Вероятно.

Нина: А ты отнесла меня туда, да?

Медуза: Да.

Нина: Ты поступила так же, как она. Ты знаешь?

Медуза: (змеи смущенно сжимаются) Я не могу растить дитя. Я пыталась спасти тебя. Я думала, что тебе будет лучше среди живых, чем среди окаменевших.

Нина одной ведет рукой по лицу Медузы, а другой перебирает ткани своего одеяния.

Змеи на голове Медузы собираются сжатой пружиной.

Нина: Я тебя прощаю. Просто хотела все прояснить здесь и сейчас. Прежде чем я останусь.

Нина протягивает зеркало к лицу Медузы, а второй срывает повязку с ее глаз.

За мгновение до этого несколько змей с головы Медузы упругим ударом разбивают зеркало у ее глаз. Осколки рассыпаются по земле и теряются в траве у ног Нины.

Взгляды Медузы и Нины встречаются.

Медуза: (легкими птичьими поцелуями покрывает лицо и руки Нины, пытается вновь почувствовать мягкость ее тела и его тепло своими пальцами). Ты и правда осталась. Ты осталась со мной. Ты осталась. Ты здесь теперь будешь всегда. Все, о чем я мечтала. Разве так я мечтала. Разве ты теперь тоже — они? Разве мы не станем мы? (из глаз Медузы текут слезы на окаменевшее тело Нины, дорожки слез Медузы оставляют на статуе кракелюры)

Наши дни.

Персей идёт по саду и рассматривает статуи. Он находит Медузу у статуи Нины (Нина застыла, протягивая руки на уровне глаз Медузы). Медуза щекой прижимается к холодным каменным ладоням Нины.

Персей: Я здесь, не оборачивайся.

Медуза: (оборачивается к Персею, ее глаза закрыты, а на губах улыбка). Я очень рада тебе. (протягивает ему руку)

Персей берет Медузу за руку и крепко ее сжимает, а затем слегка целует, и прижимается к ее ладони так же, как недавно Медуза прижималась лицом к ладони Нины. Персей садится вытянув ноги и опершись на постамент, на котором стоит Нина. Помогает Медузе лечь головой на его бедра.

Нежно гладит каждую частичку ее лица и тела. Губы или щеки, грудь или колено. Ему хочется пальцами запомнить рельеф и фактуру ее организма, запомнить - ее хрупкую и физическую, неокаменевшую.

Медуза: Я очень долго ждала встречи с тобой.

Персей: А я забывал о тебе, каждый раз забывал о тебе. Ты не представляешь, как грустно мне было жить, не зная о тебе.

Медуза: Да, меня спасала мысль о том, что мы непременно, рано или поздно встретимся. И что ты есть на этой Земле, и всегда будешь, пока есть я.

Персей: Послушай, а почему все статуи растресканы болью и насекомыми, а эта девушка, она растрекана плющем и шиповником?

Медуза: Статуи разрушает то же, что разрушало их при жизни. Ее разрушали любовь и несвобода.

Персей: Вы с ней очень похожи.

Медуза: Вы с ней тоже.

Персей: Значит, и мы с тобой.

Медуза: Мои сестры хотят убить тебя.

Персей: Как думаешь, это сработает?

Медуза: Сомневаюсь. Ты будешь снова рожден, в следующем поколении.

Персей: Я бы так хотел умереть. И тогда мне не пришлось бы спасать маму и Андромеду, но и убивать тебя.

Медуза: В прошлый раз ты попробовал убить себя здесь.

Персей: Да, это не моя судьба. Пока я не осуществлю свою судьбу, все так и будет продолжаться.

Медуза: Понимаю. Но я не хочу умирать ради твоих матери и невесты.

Персей: Я хочу, чтобы ты была моей матерью и невестой.

Медуза: Нам некуда торопиться. Побудем вместе, будем детьми, родителями и возлюбленными друг другу. Пока ты не убил меня или не умер сам.

Персей склоняется к Медузе и целует ее в губы, нежно-нежно-нежно.

Не отрываясь от поцелуя, Медуза проводит рукой по волосам Персея, перебирая, найденный в густой траве, под ногами Нины, острый и тонкий осколок зеркала, в пальцах.

Персей чувствует на виске что-то твердое и тонкое. Что-то что прижимает к нему Медуза.

Медуза чувствует, как солнечный зайчик пробегаются по ее ресницам, осколок она повернула правильно. «Еще чуть-чуть», думает Медуза, «это ведь в первый и в последний раз, я буду наслаждаться столько, сколько успею».

Персей чувствует прохладу стекла и понимает намерение Медузы. Когда уголки ее губ расходятся в улыбке, он открывает глаза.

Медуза открывает глаза, видит перед собой лицо Персея, а затем переводит взгляд на свое отражение в осколке зеркала, который держит в своей руке у лица возлюбленного. Улыбнувшись себе, она снова смотрит на Персея, чувствуя как каменеют ноги и бедра.

Их взгляды встречаются в первый и в последний раз.

Их губы хранят поцелуй вечность.

Сад Медузы начинает разрушаться, статуи осыпаются песком, а все живые — плотью.

Время начинает разрушаться и все возведенное им испаряется.

Вселенная сжимается до размеров точки.

Ничего нет.

Никого нет.

Только любовь.

Которая нагревает собой, точку — вселенную.

Которая расширяет собой вселенную.

Которая взрывает собой вселенную.

Которая охлаждает собой вселенную.

Которая освещает собой вселенную.

Только любовь.

Которая рассыпает себя на звезды и галактики.

Которая наполняет своим жаром солнце и притягивает к нему десяток планет своей гравитацией.

Только любовь.

Которая тает и разбивается о Землю водой, мировым океаном, и покрывает собой большую часть суши.

Которая соединяет между собой частицы и пробуждает жизнь в них жизнь случайно мутацией.

Только любовь.

Которая проникает в клетки.

Которая эволюционирует в тысяче разных жизнеформ,

Которая прячется в пещере Денисова.

Которая смешиваясь с глиной становится

законами хаммурапи

пирамидами

колизеем

и

айей софией.

Только любовь.

Которая в тонких трупах деревьев

наполняется стихами и цифрами.

Только любовь.

Которая соединяет тела наших предков,

их пот, кровь и слюни

,чтобы оказаться в тебе, и во мне.